

ЧТО ПРОИЗОШЛО НА «ОБЕДЕ ПАМЯТИ БЕЛИНСКОГО» В 1858 ГОДУ? К ИСТОРИИ ОДНОЙ ЛЕГЕНДЫ¹

Алексей Вдовин
(НИУ ВШЭ, Москва)

Следуя канону фестшрифтовой статьи, каждое юбилейное приношение должно быть как-то связано с научными поисками виновника торжества. Поскольку последнее время нас с ним объединяет совместный научный проект по изучению русского литературного канона, то нижеследующая заметка, надеюсь, не нарушит, а лишь усилит каноничность сего поздравительного сборника.

Конец 1860-х и особенно 1870-е гг. осознавались современниками как время упадка критики. В поисках его причин литераторы вновь обратились к фигуре В.Г. Белинского², пытаясь понять, что же произошло с его наследием, но главное – найти виновников кризиса. Эти попытки вылились, с одной стороны, в очередную ревизию его эстетики и критического метода, а с другой — в публикацию целой серии воспоминаний и в создание А.Н. Пыпиным первой биографии «неистового Виссариона» (1876), которые положили начало каноническому образу Белинского, сложившемуся у леворадикальной интеллигенции во второй половине XIX века. Наиболее важным для самих учеников оказался вопрос об их личной преемственности к критику, и здесь, конечно же, не обошлось без полемик. В 1870-е гг. появилось сразу несколько альтернативных версий важнейшего события в жизни учеников Белинского — раскола в «Современнике». Об одном эпизоде полемики, не привлекавшем внимания исследователей, и пойдет речь.

В летописях жизни и творчества Добролюбова, Некрасова и Тургенева под датой 6 июня 1858 г. значится обед памяти Белинского в день его именин³. Дата эта обычно сопровождается комментарием в таком духе: присутствовавший на обеде Добролюбов, возмущенный пустословием в адрес покойного, по возвращении домой написал сатирическое стихотворение «На тост в память Белинского» и анонимно разослал его участникам обеда, чем вызвал их негодование. Все ссылки на источники этой информации ведут к двум документам: во-первых, к статье М.А. Антоновича «Причины неудовлетворительного состояния нашей литературы» (1878); во-вторых, к воспоминаниям А.Н. Пыпина в «Моих заметках» (1911).

Впервые сатирическое стихотворение Добролюбова было опубликовано в указанной статье Антоновича, который писал, что слышал историю об обеденном инциденте от покойного Некрасова:

В числе других это стихотворение получил и Николай Алексеевич и, по его словам, сразу же догадался, кто автор его; да притом Добролюбов не скрывался перед ним и сам признался ему во всем. Николай Алексеевич, конечно, и не подумал обидеться на присланное ему стихотворение; но другие известные литераторы сильно обиделись. <...> У нас есть одно рукописное стихотворение Добролюбова, писанное его собственною рукою и, **по-видимому**, относящееся к случаю о котором рассказывал Николай Алексеевич, **хотя утверждать это**

¹ Статья написана при поддержке гранта Эстонского научного фонда ETF № 8471 «Формирование русского литературного канона / Vene kirjanduskaanoni kujunemine».

² С конца 1850-х гг. фигура Белинского становится частью литературной мифологии 1860-х гг., относительно нее определяли собственную идентичность (Зеленцова М.В. Белинский в восприятии эпохи 1860-х годов. Автореферат дисс. ... к.ф.н. Череповец, 2003. С. 10).

³ Рейсер С.А. Летопись жизни и деятельности Н.А. Добролюбова. М., 1953. С. 186; Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова. СПб., 2007. Т. 2. С. 140; Летопись жизни и творчества И.С. Тургенева. 1818–1858/ Сост. Н.С. Никитина. СПб., 1995. С. 425–26.

наверное мы не решаемся. Стихотворение озаглавлено так: «На тост в память Белинского. 6 июня 1858 г.». **Вероятно**, 6 июня было днем именин Белинского, так как в этот день бывает св. Виссариона <sic!>; и если обеды в память Белинского устраивались в этот день, то это еще более может подтвердить нашу догадку⁴.

Как видно, у Антоновича не было полной уверенности в том, что стихотворение связано с обедом памяти Белинского. В рукописном фонде Антоновича в Пушкинском Доме сохранилась копия стихотворения Добролюбова⁵, сделанная, по мнению Б.Я. Бухштаба, не им (если только почерк не был умышленно изменен)⁶. Название «На тост в память Белинского, 6 июня 1858 г.» приписано другой рукой – не исключено, что рукой самого Антоновича или кем-то еще позднее 1858 г. Отсутствует название и в автографе стихотворения, находящемся в так называемой «первой добролюбовской рукописной тетради»⁷. Более того, текст, располагающийся между стихотворениями «Напрасно» (май) и «Бедняку» (20 июня), не датирован. Тем не менее, Б.Я. Бухштаб, хотя и не уверенный в том, что копия из фонда Антоновича переписана рукой Добролюбова, все же опубликовал стихотворение с названием, отсутствующим в автографе. Однако исследователь указал, что основным текстом все-таки следует считать автограф в добролюбовской тетради⁸. Такая непоследовательность заставляет более внимательно отнестись к этому случаю.

Итак, исходный текст в автографе не имеет заглавия, не соотнесен самим Добролюбовым с каким-либо конкретным обедом и не приурочен к определенной дате. Связь с трапезой появляется только в последней строфе, где упомянуты некие «пиры», но более точной отсылки нет. Ср.:

Не раз я в честь его бокал
На пьяном пире подымал
И думал: только, только этим
Мы можем помянуть его,
Лишь пошлым тостом мы ответим
На мысли светлые его!..

Все это приводит к заключению: копия Антоновича не может являться достоверным источником при комментировании стихотворения, тем более что исследователи обнаружили много недостоверного и в других мемуарах публициста⁹. Важно также упомянуть, что Антонович не опубликовал этого текста в четвертом томе собрания сочинений Добролюбова, который редактировал в 1862 г., хотя часть рукописей добролюбовских стихотворений хранилась в тот момент у него. Скорее всего, в редакции «Современника» решили не печатать неудобное стихотворение-упрек последователям Белинского, поскольку атмосфера в 1862 г. и без того была накалена.

Прежде чем перейти к проверке фактической части мемуара Антоновича, разберем второй источник информации – воспоминания Пыпина. Впервые он заговорил об этой истории в письме к Чернышевскому 5 февраля 1884 г., комментируя его воспоминания о разрыве Тургенева с «Современником», написанные в ссылке:

В Твоих воспоминаниях я не нашел двух вещей. Во-первых, относительно Добролюбова и Тургенева, того эпизода, случившегося без меня и о котором мне рассказывали: эпизода **об**

⁴ Антонович М.А. Литературно-критические статьи. М.–Л., 1961. С. 319–320.

⁵ ИРЛИ. Ф. 305. №. 3. Л. 1–1об.

⁶ <Бухштаб Б.Я.> Комментарии к стихотворению «На тост памяти Белинского» // Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 9 т. М.–Л., 1964. Т. 8. С. 623.

⁷ ИРЛИ. Ф. 97. Оп. 1. Ед. 45. Л. 28об.

⁸ <Бухштаб Б.Я.>. Указ. соч. С. 623.

⁹ См., например: Демченко А.А. Проблемы научной биографии Чернышевского периода первой революционной ситуации (Опыт критического анализа первоисточников). Автореферат дисс. к.ф.н. Саратов, 1971; Он же. Чернышевский и Добролюбов в статье А. Герцена “Very dangerous!!!” // Проблемы формирования реализма в русской и зарубежной литературе XIX–XX вв. Саратов, 1975. Вып. 2. С. 43–45.

обеде в память Белинского (1858), обеде, на котором собралась обычная тогда компания «Современника» и также Добролюбов и после которого он на другой день послал **Некрасову и Тургеневу** безымянное стихотворение очень раздражившее Тургенева. <...> (стихотворение говорило, конечно, о способе, каким чествовалась память Белинского — в ресторане Дюссо)¹⁰.

Во-первых, Пыпин с полной уверенностью говорит о некоем обеде памяти Белинского; во-вторых, добавляет к уже известному, что стихотворение было послано только Тургеневу и Некрасову, а также название ресторана — Дюссо. Не ясно, кто рассказывал Пыпину об этом инциденте. Возможно, Некрасов или Антонович, близкий к нему в конце 1870-х. Несомненно одно: именно публикация Антоновича 1878 г. побудила ученого вспомнить эту историю¹¹.

На письмо двоюродного брата Чернышевский ответил, что не помнит ни о каком стихотворении Добролюбова и, тем более, об обеде памяти Белинского, оговорившись, правда, что мало интересовался обедами литераторов¹². Это свидетельство тем более замечательно, что, как выяснится далее, Чернышевский все же был на обеде 6 июня 1858 г.

Рассмотрим, наконец, все известные печатные упоминания об этом событии. Здесь вновь возникают неясности. Главные источники — письма художника А.А. Иванова и дневник А.В. Никитенко — расходятся в показаниях. Из письма Иванова к брату следует, что в пятницу 6 июня, действительно, состоялся обед, правда, в честь Тургенева:

Сегодня был у Мюллера, но не застал никого дома. <...> Потом поехал на обед, который литераторы давали отъезжающему Тургеневу — всех со мной было 14 особ. Первый тост был обращен ко мне¹³.

Ничего о чествовании памяти Белинского Иванов не сообщает. Сличение всех письменных свидетельств дает следующий состав гостей: Некрасов, Тургенев, Панаев, Гончаров, Чернышевский, Писемский, Языков, Иванов, Никитенко. Вполне мог присутствовать на обеде и молодой сотрудник Н. Добролюбов, который летом 1858 г. официально становится членом редакции «Современника».

Об этом обеде сохранилось еще одно, широко цитируемое упоминание А.В. Никитенко в дневниковой записи от 7 июня:

Обедал в ресторане **Донона** вместе с несколькими литераторами — Тургеневым, Гончаровым, Некрасовым, Панасевым, Чернышевским и пр. Тут был также недавно приехавший из-за границы художник Иванов. Много было говорено, но ничего особенно умного и ничего особенно глупого. Пили не много¹⁴.

Отметим, что из записи Никитенко не ясно, когда именно — накануне в пятницу 6 июня или в субботу 7-го — состоялся обед. При этом у него и у Иванова речь, без сомнения, идет об одном и том же обеде. Датировка Иванова не подлежит сомнению: он пишет в день обеда, т.е. 6 июня. Следовательно, запись Никитенко сделана на следующий день¹⁵. Но и в ней также ни словом не упоминается о каком-либо чествовании памяти Белинского.

¹⁰ Чернышевский Н.Г. Литературное наследие. М.—Л., 1930. Т. III. С. 545.

¹¹ В 1911 г. этот сюжет вошел в воспоминания Пыпина с оговоркой: «Я не был свидетелем того, что говорится далее, — потому что жил тогда за границей, **но слышал из достоверных источников**, а теперь об этом есть обстоятельное свидетельство М.А. Антоновича» (Пыпин А.Н. Мои заметки. Саратов, 1996. С. 240–241. Пыпин ссылается здесь на его статью 1898 г. о 50-летию со дня смерти Белинского (Русская мысль. 1898. № 12), где публицист без изменений воспроизвел разбираемый эпизод из статьи 1878 г.

¹² Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1953. Т. 15. С. 454.

¹³ А.А. Иванов, его жизнь и переписка. 1806–1858 гг./ Изд. Мих. Боткин. СПб., 1880. С. 340.

¹⁴ Никитенко А.В. Дневник. М.—Л., 1955. Т. 2. С. 49.

¹⁵ Как сообщил нам А.М. Березкин, Никитенко, как правило, фиксировал дату не события, а время его записи.

Обеды между тем продолжались. 8 июня (в воскресенье) Иванов сообщал брату, что вчера «опять был на обеде, и в том же месте — у Донона <...>. Общество литераторов из 14 человек давало это в честь князю Щербатову»¹⁶. В самом деле, обед по случаю отставки попечителя Петербургского учебного округа князя Г.А. Щербатова состоялся в ресторане Донона в субботу 7 июня. Датировка Иванова снова расходится с датировкой Никитенко, который упоминает этот обед в записи от 9 июня (понедельник). Получается, что цензор опять запаздывает с фиксацией событий.

Итак, у Донона (а не у Дюссо, как считал Пыпин) 6 и 7 июня произошло два обеда, на которых присутствовала примерно одна и та же компания. И Никитенко, и Иванов посетили оба обеда, не оставив и намека о Белинском или о Добролюбове. Тем не менее, мы не можем исключать произнесения тостов в память Белинского, равно как присутствия Добролюбова на первом обеде 6 июня (его присутствие у князя Щербатова крайне маловероятно). Обратим внимание, что стихотворение в копии Антоновича названо «*На тост в память Белинского*». Можно предположить, что на обеде 6 июня, в день Св. Виссариона, литераторы, собравшиеся по случаю отъезда Тургенева, решили почтить память «Учителя». Боле того, на 26 мая приходилась годовщина его смерти. Весьма вероятно, что инициатором тоста был сам Тургенев (уважение его к Белинскому хорошо известно). Косвенное подтверждение этому можно усмотреть в адресате стихотворных упреков Добролюбова — представителях молодого поколения, которые «им <Белинским> проложенным путем / Умеют только любоваться». Тогда понятно и упоминаемое в мемуаре Антоновича раздражение Тургенева, явно принявшего эти упреки на свой счет, а все стихотворение Добролюбова прочитывается как критика радикальной частью кружка «Современника» его «артистического» крыла (Боткина, Тургенева и Анненкова).

Мотивы послания Добролюбова были ориентированы на некрасовские стихотворения о Белинском. В «Памяти Белинского» (1851–53) Некрасов подчеркивал бездеятельность наследников учителя, «беспечно вкушающих» плод его трудов, и затерянность его могилы, куда «память благородная друзей» не проторила дороги. Текст Некрасова элегичен и подчеркивает естественность такой судьбы. Поэма «Белинский» (1855) также заканчивалась строками о забвении памяти поэта (по сюжету — друга Белинского, но их судьбы аналогичны):

Поэт умолк. А через день
Скончался он. Друзья сложились
И над усопшим согласились
Поставить памятник, но лень
Исполнить помешала вскоре
Благое дело, а потом
Могилы заросла кругом:
Не сыщешь... Не велико горе!
Живой печется о живом,
А мертвый спи глубоким сном...

Добролюбов же спорил с созданной Некрасовым поэтической легендой о бессилии «учеников», призывая их продолжить дело «Учителя». Такая инициатива выглядела вполне закономерной в контексте кружковой атмосферы конца 1850-х. На 1857 г. приходится нереализованный замысел Некрасова и Тургенева издать сборник памяти Белинского, а с 1859-го начался выход первого собрания сочинений критика. В это же время библиограф П. Ефремов по поручению Некрасова отыскал на Волковом кладбище затерянную могилу Белинского¹⁷.

¹⁶ А.А. Иванов. Указ. соч. С. 341.

¹⁷ Ловягин А.М. Из бесед с П.А. Ефремовым // Доклады и отчеты Русского библиографического общества. Вып. 1. СПб., 1908.

Все сказанное позволяет признать мемуар Антоновича малодостоверным. Факты свидетельствуют о том, что специального обеда памяти Белинского 6 июня 1858 г. не было – имел место лишь тост, а версия, согласно которой стихотворение Добролюбова было разослано участникам обеда и вызвало скандал, документально пока не подтверждается и вряд ли когда-либо подтвердится.

Здесь, однако, возникает вопрос: как объяснить тогда указание Антоновича на то, что он слышал эту историю от Некрасова? Можно предположить следующее. В сентябре 1858 г. в «Современнике» появилось шесть стихотворений Добролюбова, отобранных лично Некрасовым. Представляется весьма вероятным, что Некрасов прочел в тетради Добролюбова стихотворение о Белинском и просил автора пояснить обстоятельства его написания (повторим, никаких сведений об отсылке текста Некрасову и Тургеневу не существует). После смерти Добролюбова тетради его стихов вновь на некоторое время оказались в распоряжении Некрасова, который и мог позже рассказать об этом Антоновичу.

Остается выяснить, почему же Антонович вдруг вспомнил об этом эпизоде именно в 1878 г. За ответом обратимся к полемическому подтексту статьи «Причины неудовлетворительного состояния нашей литературы», где стихотворение Добролюбова было опубликовано впервые.

Еще до нее, в 1869 г., Антонович напечатал полемическую рецензию на известные «Воспоминания о Белинском» Тургенева, в которых писатель, ретушируя «отрицательное направление» в наследии Белинского, обвинил его «мнимых» преемников (Добролюбова, Чернышевского, Писарева) в профанации идей учителя, а Некрасова — в экономической эксплуатации критика. Находящийся в тот момент в конфликте с Некрасовым Антонович, считая себя последователем «реальной критики», более всего был задет именно нападением на Чернышевского и Добролюбова.

Полемика о соотношении деятельности Белинского и его преемников разгорелась вновь в 1870-е гг. в связи с печатанием в «Вестнике Европы» монографии А. Пыпина «Белинский, его жизнь и переписка»¹⁸. Одним из откликов на нее стала статья К. Кавелина «Белинский и последующее движение нашей критики (письмо А.Н. Пыпину)» («Неделя», 1875, № 40), в которой историк вновь упрекал последователей «неистового Виссариона» в злоупотреблении «отрицательным направлением». Солидаризируясь с Тургеневым в оценке «утилитаристов», но пытаясь быть объективным, Кавелин возлагал часть вины и на ближайших преемников Белинского — «идеалистов» (Тургенева, Боткина и др.), вовремя не давших отпор отрицательному направлению¹⁹.

Статья историка и послужила, помимо воспоминаний Тургенева, ближайшим поводом к выступлению Антоновича. Повторяя свои упреки 1869 г., публицист обвинял Тургенева в клевете на Добролюбова и его друзей, которая бросала тень и на него самого²⁰. Поскольку Антонович в течение всей жизни отличался постоянством воззрений и преданностью Добролюбову и Чернышевскому²¹, становится понятно, почему он столь ожесточенно спорил с версией истории 1850-х гг., которую выдвигали Тургенев с Кавелиным. Публицист иронизировал по поводу несостоявшейся школы «старобелинковцев», представители которой (Павлов, Кавелин, Катков, Боткин,

¹⁸ См. подробнее: Мостовская Н.Н. И.С. Тургенев и русская журналистика 70-х годов XIX века. Л., 1983. С. 23, 31–65.

¹⁹ Кавелин К.Д. Белинский и последующее движение нашей критики (письмо А.Н. Пыпину) // Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. III. СПб., 1899. Стлб. 1109.

²⁰ Антонович М.А. Указ. соч. С. 359.

²¹ За что получил от А. Суворина прозвище «окаменелый инвалид “Современника”» (Там же. С. XLV).

Гончаров, Дружинин, Дудышкин) якобы предали идеалы учителя²². Доказательство этой «измены» Антонович нашел в знаменитых строках из стихотворения И.С. Аксакова, «одного из самих людей сороковых годов» — «Добро б мечты, добро бы страсти...» (опубл. 1856). Обращаясь к себе и современникам, Аксаков сокрушался о «дворянской лени», пристрастии к пустым речам, «угасании сил», всеобщем сне, от которого призывал пробудиться. Антонович выхватил из стихотворения наиболее афористичный и горький для «людей сороковых годов» фрагмент:

<Мы любим> К пышному **обеду**
Прибавить мудрую беседу,
Иль **в поздней ужина поре**
В роскошно убранной палате
Потолковать о бедном брате,
Погорячиться о добре²³.

Публицист тенденциозно интерпретировал эти строки как свидетельство о московских друзьях Белинского, которые будто бы «считали совершенно достаточным одно теоретическое или платоническое стремление к хорошим целям»²⁴. После этого текста Антонович и помещает историю с обедом памяти Белинского и Добролюбовское стихотворение, откликающееся в том числе на текст Аксакова и представляющее как обвинение против «старобелинковцев». В концепции Антоновича как раз «они» предали «Учителя». Единственный из людей сороковых годов, кто остался верен ему, это Некрасов, и именно его Антонович старался защитить от нападок Тургенева. Опора на авторитет уже покойного Некрасова, с которым публицист перед смертью примирился²⁵, — важнейший аргумент в конструкции Антоновича, который сам не был очевидцем событий конца 1850-х гг. Поэтому он так настаивает на верности поэта заветам Белинского и тем самым рисует картину, противоположную тургеневской. Так во второй части статьи складывается альтернативная история русской литературы 1850–60-х гг., в которой ключевыми персонажами оказываются Добролюбов, Чернышевский и Некрасов.

Важно и то, что Антонович одним из первых начинает в подробностях описывать раскол редакции «Современника» конца 1850-х гг. В статье «Несколько слов о Н.А. Некрасове», опубликованной в одном номере с «Причинами неудовлетворительного состояния литературы», он говорит о непростом выборе, который сделал в свое время Некрасов в пользу Добролюбова и Чернышевского, а не Тургенева и «эстетов»²⁶.

В таком контексте упоминание инцидента после обеда 1858 г. передвигало проявление назревавшего в «Современнике» конфликта с конца 1859 – начала 1860 г. на 1858-й, когда никаких открытых и публичных разногласий и ссор еще не было (что не отменяет, разумеется, идеологических расхождений)²⁷. Антоновичу было важно представить конфликт как изначально присутствовавший, но протекавший в скрытой форме. Существенно было также найти эпизод, предопределивший разрыв и однозначно выставлявший Тургенева и компанию в самом невыгодном свете по отношению к авторитету Белинского. И такой эпизод был найден. В пылу полемики Антонович извлек из своих бумаг добролюбовский текст, а из воспоминаний некрасовское упоминание об

²² Там же. С. 362–65.

²³ Это место, по мнению Антоновича, «вызвало бурю негодующих возражений и протестов» со стороны людей сороковых годов. Не совсем понятно, какие мнения имеет в виду Антонович, т.к., например, и Тургенев и Некрасов очень высоко оценили текст Аксакова. См.: Некрасов. Полн. собр. соч.: В 15 т. Л., 1990. Т. 11. Кн. 2. С. 256, 396 (коммент.).

²⁴ Антонович М.А. Указ. соч. С. 319.

²⁵ См. его статью 1878 г. «Несколько слов о Н.А. Некрасове».

²⁶ Там же. С. 391–92.

²⁷ Такую версию отстаивает А.Б. Муратов: Муратов А.Б. Н.А. Добролюбов и разрыв И.С. Тургенева с журналом «Современник» // В мире Добролюбова. Сборник статей. М., 1989.

обеде, ничем до сих пор не подтвержденное. Более того, для придания весомости своей версии Антонович пошел на смещение акцентов.

Тургенев узнал о статье Антоновича из письма Анненкова (13 февраля 1878 г.), однако никак не отреагировал ни на выпады в свой адрес, ни на альтернативную версию событий: по-видимому, не считал нужным ввязываться в споры²⁸. Зато статьей заинтересовался Пыпин. Заинтригованный воспоминаниями Антоновича, он писал Чернышевскому в феврале 1884 г.: «Без сомнения уже скоро пойдет речь об отношениях Тургенева и Добролюбова, об “Отцах и детях” и т.д. Будут говорить об этом вкривь и вкось, как уже говорили раньше, и исторические толкования очень понадобятся»²⁹. Желая дойти до истинной причины конфликта в «Современнике», Пыпин в этом письме явно хочет видеть в обеденном инциденте серьезный повод к расколу³⁰. Опасения историка литературы по поводу превратных толкований подтвердились. Клубок тенденциозных и противоположных версий литературной истории 1850-х гг. в основных чертах сложился, как мы пытались показать, уже в 1860–70-е гг., способствуя порождению легенд. В XX в. из двух версий в качестве канонической была выбрана именно версия Антоновича, хорошо вписывающаяся в мифологию радикальной интеллигенции. Таким образом, сама литературная история второй половины XIX в. представила все условия для складывания того канона, который господствовал в конце века XX и сохраняет влияние до сих пор.

²⁸ На статью Антоновича немедленно прореагировали Г.З. Елисеев и Н.К. Михайловский, однако знаменательно, что в их откликах эпизод с обедом обойден молчанием, т.е., видимо, принят как факт. См.: Елисеев Г.З. Внутреннее обозрение // Отечественные записки. 1878. № 3. С. 116-141; Михайловский Н.К. Литературные заметки // Там же. С. 156-158.

²⁹ Чернышевский Н.Г. Литературное наследие. С. 545.

³⁰ Хотя Б.Я. Бухштаб в комментариях к стихотворению справедливо отмечает, что «поводом к разрыву <...> стихотворение не могло быть, так как оно написано почти за два года до этого разрыва» (<Бухштаб Б.Я.>. Указ. соч. С. 623).